

Философия истории: основные проблемы и варианты их решения

В.В. ЦАЦАРИН

Рассматриваются основные проблемы, решаемые в рамках философии истории XIX–XX вв.: осмысление хода исторического процесса и его исследования в работах историков. Показаны динамика философско-исторической проблематики, вариативность подходов к её решению. Более подробно показаны построения Г. Гегеля и Х. Уайта.

Ключевые слова: философия истории, исторический процесс, историческое сочинение, концептуализация исторического поля.

The article deals with the main problems that are solved within the philosophy of history of XIX–XX: comprehension of historical process motion and its studying in the works of historians. The author shows the dynamics of philosophical and historical perspective, the variety of approaches to its solution. Theories of G. Hegel and H. White are shown in detail.

Keywords: philosophy of history, historical process, historical works, conceptualization of the historical field.

Философские словари дают разные определения философии истории. Однако смысл всех дефиниций неизменен: это раздел философии, который изучает исторический процесс и способы его исследования. Соответственно, можно выделить две основные проблемы философии истории: изучение того, как именно развивается человеческая история и как этот процесс отображается в исторических исследованиях.

Нет единого мнения о том, когда философия истории зародилась, что можно считать её началом, а кого – основателем. Все сходятся на том, что сам термин ввёл Ф. Вольтер в XVIII в. Что касается основателя самого осмысления истории, то разные авторы называют и Дж. Вико, и Аврелия Августина, и Фукидида.

Что касается античных авторов, то необходимо отметить, что в данную эпоху историческое сознание, скорее всего, ещё не сформировалось. Даже так называемых «отцов» истории Геродота и Фукидида историками в истинном понимании данного слова признают не все. Геродот описывал различные территории и народы, давал сведения о минувших делах эллинов. Но является ли всё это историей – это большой вопрос. Ведь наряду с достоверными данными в его труде содержится масса неточностей, фантастических и мифологических моментов. Фукидид – это скорее биограф, даже автобиограф. Он описывал приключение, в которое попал сам и его ближайшие соратники, то, что в английском языке обозначается как story, а не history. Что же касается общего античного умонастроения, то оно не было направлено на прошлое. Даже общего летоисчисления не существовало, в отличие, например, от Египта с его династиями фараонов или Китая. К тому же, само отношение к описанию прошлого у авторитетных древнегреческих мыслителей было скептическим. Например, Аристотель, прямо указывал, что описание прошлого, как оно было на самом деле стоит в иерархии человеческих занятий не только ниже философии, но и поэзии, так как поэт хотя бы использует собственное воображение, то есть мыслит, в то время как историк просто описывает то, что произошло. Поэта интересует общее, а историка – частное [1, с. 1077].

Аврелий Августин писал о развитии человеческого прошлого. Но считать его основателем философии истории сложно, так как он не ставил себе цель проанализировать историю саму по себе. Для него важно было показать, что приобщение к христианству дает человечеству надежду на жизнь вечную.

Вико в духе философии эпохи Возрождения также констатирует приверженность христианскому провиденциальному взгляду на историю, однако его больше интересует механизм её хода, а не деятельность провидения. Указывает он и на проблемы, возникающие при описании и исследовании человеческого прошлого [2, с. 129–131]. То есть претендовать на роль основоположника философии истории Вико может с большими основаниями.

Тем не менее, начало расцвета философско-исторического знания пришлось на XIX в. Именно тогда были созданы грандиозные построения мыслителей, касающиеся исторических размышлений. Развивались оба направления размышлений. Такие философы, как, например, Г. Гегель и К. Маркс осмысливали общий ход исторического процесса, давали свою его оценку, строили схемы развития человечества, а последний – ещё и прогноз дальнейшего движения.

Взгляды Гегеля на проблемы истории известны нам благодаря тому, что его ученики систематизировали его высказывания и издали их в виде «Лекций по философии истории» уже после смерти учителя. Хотя в буквальном переводе «*Philosophie der Weltgeschichte*» – это философия мировой истории, тогда как термин «*Geschichtsphilosophie*» означает именно «философия истории».

Сам Гегель рассматривает мировой исторический процесс как движение идеи. Благодаря осознанию людьми понятия и сущности свободы, происходит развитие мировой истории. Знаменитая гегелевская формула: на Востоке свободен был один (деспот), в античности – некоторые, а в германском христианском мире – все. Мировой дух черпает идею свободы из самого себя, он сам есть эта идея. Диалектически отрицая себя, дух переходит в свою противоположность, в природу, где господствует необходимость. Однако дух начинает реализовывать сам себя, движется, возвращается к самому себе в процессе человеческой истории. Движущей силой истории называются человеческие страсти, удовлетворение личных, чаще всего эгоистических интересов. Однако внутренним основанием развития истории выступает идея, дух, поэтому он «хитростью» подчиняет и человеческие страсти достижению своей цели – реализации принципа свободы. Таким образом, развитие истории у Гегеля имеет телеологический характер. Свою цель дух реализует не в конкретных индивидах, а в государстве.

К. Маркс также анализировал ход человеческой истории, выделял в ней этапы, которые, якобы, прошло человечество. Взяв за основу, материальное производство и формируемые на его основе отношения между людьми, он выделил первобытное общество, азиатский способ производства, рабовладельческий способ производства, феодальный строй и капиталистическое общество. При этом философ, скорее всего, имел целью не столько сам анализ хода истории, сколько проецирование в будущее. Ведь новой, неантагонистической будет коммунистическая формация, переход к которой возможен в результате пролетарской революции.

К подобного рода размышлениям можно отнести также различные «цивилизационные» теории, авторы которых (Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер и др.) выделяли различные цивилизации, смена которых и есть мировая история. Подход здесь прямо противоположный гегелевскому и марксовому: каждая цивилизация уникальна и неповторима, всеобщая история в реальности отсутствует. Кстати, дискуссия отечественных философов на тему совместимости цивилизационного и формационного подходов, ведшаяся на рубеже XX–XXI вв., также может быть отнесена к решению важной для философии истории проблемы хода человеческого прошлого.

Однако к XX в. больший интерес вызвало иное философско-историческое направление. С другой стороны, и веком ранее проблема написания истории активно обсуждалась. Например, Л. фон Ранке требовал писать о событиях так, как они происходили на самом деле («*wie es eigentlich gewesen*»). Высказывать собственное мнение или учить современников историк не должен. Гегель выделяет три вида исторического сознания: первоначальное, рефлексивное и философское.

Первоначальное – это начало историографии. На этой стадии историки описывают события, которые произошли в их время, или в недалёком прошлом. Причём сами они были проникнуты духом той эпохи, которую описывали, и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне. Поэтому для них нет отличия между историей, которую они проживают и историей, которую они пишут. Первоначальная история является отражением самосознания народов. Однако в силу характера деятельности первоначальных историков, их произведения не могли быть обширными и глубокими по содержанию. Автор описывает то, в чём он в той или иной степени принимал участие, или то, что он переживал. Рефлексия в таких произведениях отсутствует. Автор пытается передать читателям свои собственные чувства и ощущения [3, с. 57–58].

Рефлексивный тип исторического мышления предполагает уже осознание дистанции между историком и объектом его изучения. Здесь уже используются различные теоретические приёмы, чтобы сократить временной разрыв и постичь сущность либо содержание прошлого. Они и обуславливают различные типы рефлексивной истории: всеобщую, прагматическую, критическую и концептуальную.

Всеобщая история – история какого-либо народа или всего мира. При этом главной задачей является обработка материала, дух эпохи которого отличен от духа эпохи историка, поэтому историк вынужден использовать рефлексивность. Целью историка, пишущего всеобщую историю является описание всей истории выбранного им объекта, поэтому он вынужден прибегать к сокращениям не только в смысле опускания некоторых незначительных событий и явлений, но и в смысле схематизации описываемого. Цель прагматической истории, которая также фрагментарная и произвольная, что происходит вследствие необходимости редуцировать материал, прибегать к абстракциям и сокращениям, – как раз-таки поучение современников. Историк, благодаря рефлексии, как бы осовременивает события прошлого. Правда, цель эта нереализуемая, так как «опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё» [3, с. 61]. Причина состоит в неповторимости каждой исторической ситуации, поэтому в каждый данный момент существуют особые обстоятельства, и действовать необходимо исходя из них, а не из сходных случаев из истории. Критическая история уже понимает устранение разрыва между прошлым и настоящим как самостоятельную проблему, которую необходимо решить на теоретическом уровне. Гегель характеризует её как «историю истории», так как излагается не сама история, а даётся оценка исторических повествований и исследуются их истинность и достоверность. Четвёртым подвидом рефлексивной истории является, по Гегелю, понятийная или концептуальная история (*Begriffsgeschichte*). Она представляет собой высший этап рефлексивной истории. В ней рефлексивная история доходит до понимания и выделения общих точек зрения, которые являются выражением мирового духа, направляющего ход истории. Это история искусства, религии, права и т.п. Данный тип исторического сознания, по Гегелю, создаёт основу для перехода к третьему классу исторической рефлексии – философской истории.

Только философ истории может вывести универсальный принцип, которому подчинено прошлое. Поэтому философская история – это основа для науки истории. Философы, отвлекаясь от деталей и подробностей, выводят то, что можно назвать законами истории.

Позитивисты пошли ещё дальше. Они вообще, отказали истории в статусе науки, как раз на том основании, что там общие законы не формулируются. О. Конт предложил заменить историю на социологию, то есть историю без дат и имён. М. Шлик для демаркации научных знаний от ненаучных ввёл принцип верификации – опытной проверки. Но эмпирически исторические знания проверить невозможно. Западные философы долго бились над данным принципом, пытаясь приспособить его к познанию прошлого. А. Данто, проанализировав эти попытки, пришёл в итоге к выводу, что все попытки опровергнуть возможность исторических научных исследований являются несостоятельными, так как их приверженцы предъявляют к ним завышенные требования, которых не ставят перед естествознанием [4].

Другая западная философско-историческая традиция также утверждает ненаучность истории. Но при этом не имеется в виду её ущербность или ненужность. Речь идёт о Х. Уайте и его так называемом лингвистическом повороте. Уайт утверждает, что на историка, пишущего о прошлом, значительное влияние оказывают: тип формального доказательства, тип идеологического подтекста и тип построения сюжета. Их выбор, якобы, полностью зависит от историка и не определяется научными факторами. Поэтому история сближается Уайтом с литературой. Собственно, из литературоведения американский мыслитель и заимствует выше названные уровни концептуализации.

По типу построения сюжета выделяется роман, комедия, трагедия и сатира. При этом значение данных терминов сохраняется классическое, а не то, к которому за последние десятилетия мы привыкли. Так, имеется в виду рыцарский роман, рассказывающий о победах и

свершениях главного героя. П. Рикёр даже «переименовал» данный тип в волшебную сказку. Комедия – повествование со счастливым окончанием, трагедия, соответственно, – с несчастливым. Сатира представляет героя невольником мира.

Уайт отметил, что трагедией и сатирой пользуются историки, которые видят в событиях «сохраняющее структуру отношений либо постоянное возвращение Того-Же-Самого в Различном» [5, с. 30]. Роман и комедия признают возникновение новых сил или условий на основании процессов, которые казались неизменными. Таким образом, уже строя сюжет своей работы, историк производит объяснение того, «что именно произошло».

На уровне объяснения через доказательство уже происходит прояснение смысла прошлого. Уайт переносит на историю типологию С. Пеппера: формизм, органицизм, механицизм и контекстуализм.

Формизм ориентирован на выделение оригинальных характеристик элементов исторического поля. Объяснение связывается с определением характерного набора объектов, их класса и признаков. Историк должен показать разнообразие, красочность и живость истории, описать оригинальность действующих в ней лиц и сил.

Органицизм пытается сосредоточить внимание на деталях исторического поля, рассмотренных как компоненты целого процесса. При этом целое отличается от суммы своих частей, составляет нечто качественно новое. Он ориентирован на парадигму «микрокосм – макрокосм». Однако само понятие закона исторического процесса здесь не применяется.

Ориентируется на общеисторические законы механицизм, рассматривая их как некую сверхсилу, руководящую и направляющую ход истории. Ищутся причины, выявляются последствия событий и процессов. Сами объекты исследования соотносятся друг с другом по принципу «часть – часть».

Наконец, контекстуализм, который Уайт назвал самым распространённым в историографии типом формального доказательства, определяет «нити», связывающие произошедшее с более ранними событиями и тянущиеся в будущее, а также в определённую современную социальную среду. Процесс завершается там, где «нити» исчезают в контексте иного события или обуславливают возникновение нового исторического явления [5, с. 33–40].

Объяснение через идеологический подтекст может опираться на идеологию консерватизма, либерализма, радикализма и анархизма. Связано всё это с отношением историков к происходящим изменениям. Уайт отмечает, что все согласны, что изменения в истории необходимы. Только консерваторы считают, что всё должно происходить постепенно, на протяжении длительного периода, в будущем, либералы приветствуют современные, но постепенные трансформации, радикалы ратуют за быстрые и качественные структурные изменения, направленные в будущее, а анархисты за такие же, но ориентированные на идеал в прошлом [5, с. 42–50].

Уайт писал о том, что прямой и однозначной связи между этими тремя типами концептуализации, используемыми конкретным историком или философом истории не существует. Некоторые типы сочетаются легко, некоторые хуже. Но однозначно проследить, что, например, построение сюжет по типу романа ведёт к контекстуализму и анархизму, нельзя. Автор сам выбирает типы концептуализации (эксплицитно или имплицитно). Это дало повод обвинить американского философа в культивировании субъективизма. На наш взгляд, ситуация здесь сложнее, чем кажется многим. Заявление, что история – это не наука или не совсем наука воспринимается профессионалами крайне негативно. Слишком долго данную отрасль человеческого знания третировали на этот счёт. Однако, если посмотреть классическое определение науки, то история явно под него не подходит. Иное дело, что дефиниция эта явно устарела. Даже отрасли естествознания, которые и брались за эталон науки, на современном этапе своего развития уже не так однозначно ложатся в него. Время чёткой детерминации, как представляется, безвозвратно ушло. Многие процессы, открытые в мире природы, не носят детерминистического характера. Тем более, это касается деятельности людей, или её изучения. Здесь возникают проблемы этического и даже политического характера. Как писал Данто, если бы понятие точки или прямой непосредственно затрагивали бы чьи-то интересы, то математикам так легко не удалось бы о них договориться.

Но дело и в ином. Субъективизм, который в любом случае проявляется в историческом исследовании, в некоторой степени определяется и самим объективным знанием о прошлом. Одно и то же событие, один и тот же исторический процесс, исследованный с разных позиций, нельзя описать при помощи одного и того же типа концептуализации (если допустить, что всё это не спекуляции Уайта).

Приведём пример. Бесспорен факт, что в определённый момент времени на карте Европы появилось новое государство – Великое княжество Литовское. Если видеть в нём начало (или продолжение) белорусской государственности и исследовать данный процесс с позиций современной Беларуси, то применимы два типа построения сюжета: роман или комедия. Их выбор определяют хронологические рамки исторического сочинения, которые, естественно, выбирает сам историк. Остановившись на закреплении ВКЛ в Европе, признании его серьёзной силой, получаешь роман. Главный герой (ВКЛ) побеждает реальность и изменяет её так, что она никогда больше не сможет стать прежней. Если же продолжить исследование дальше, то напрашивается комедия, трагедия и, возможно, сатира. Идёт примирение героя с внешним миром, которое со временем становится всё более мрачным и, наконец, выливается в неадекватность предпринимаемых попыток конечному результату. Но, повторимся, само возникновение Княжества можно описать только в оптимистичных типах. Но, если тот же процесс исследовать с точки зрения соперника Новгородка на земли Юго-Западной и Западной Беларуси (в современной их принадлежности) Галицко-Волынского княжества, то построить сюжет такой истории можно только по типу сатиры. Ведь всё, что бы ни предпринимали правители этого государства, вело к противоположным для них результатам, а все успехи носили временный и краткосрочный характер.

Таким образом, субъективный момент в историческом исследовании связан не только со стремлением автора «выпятивать» одни факты и «спрятать» иные. Такие работы мы здесь не рассматриваем, так как это уже иные проблемы. Сами знания о прошлом не могут использоваться без их интерпретации. Призыв Ранке невыполним. И касается это не только нашей отечественной истории. Ту же Великую Французскую революцию можно изучать как начало великой буржуазной эпохи, а можно как начало заката не менее великой феодальной, как зачаток существующих многочисленных проблем современности.

Таким образом, на протяжении XIX–XX вв. основные проблемы философии истории (осмысление самого хода истории и способов его изучения) получали свои решения. И то, что решений этих было и есть множество, позволяет говорить об данном философском разделе как о живом и актуальном.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск : Литература, 1998. – С. 1064–1112.
2. Киссель, М.А. Джамбатиста Вико / М.А. Киссель. – М. : Мысль, 1980. – 197 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
4. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 289 с.
5. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт ; Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 527 с.